

## Роль Православной церкви в становлении белоэмигрантской диаспоры на юге Франции в 1920–1945 годах

*Д. М. Титов*

Общecerковная аспирантура и докторантура  
им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия,  
Российская Федерация, 115035, Москва, ул. Пятницкая, 4/2

**Для цитирования:** *Титов Д. М.* Роль Православной церкви в становлении белоэмигрантской диаспоры на юге Франции в 1920–1945 годах // Вопросы теологии. 2024. Т. 6, № 4. С. 659–667. <https://doi.org/10.21638/spbu28.2024.408>

Революция 1917 г. и Гражданская война в России положили конец «прекрасной эпохе» русской аристократической колонии на юге Франции, превратив Лазурный берег в место изгнания. Межвоенный период стал временем тяжелых испытаний, общественного и религиозного раскола, духовного и культурного ренессанса, эпохой, когда православная вера приобрела центральное значение в жизни и судьбах русских эмигрантов. В статье рассматривается роль церкви в жизни белой эмиграции в южных регионах Франции. Смена эпох привела к неизбежной трансформации русской диаспоры и зарубежных православных приходов. Оказавшись в изгнании, эмигранты стремились воссоздать утраченный дом в чуждых для себя условиях, сохранить русскую национальную идентичность и передать ее подрастающему поколению; они находились в тяжелых условиях, требующих солидарности и взаимопомощи. Православная церковь, будучи неотъемлемой частью эмигрантской диаспоры, переживала испытания со своей паствой, не только играла ключевую роль в духовной жизни общины, но и была социокультурным центром, затрагивая разные сферы жизни русского эмигранта на юге Франции от образования (именно при православных приходах были открыты четверговые школы для детей эмигрантов) до организации благотворительной деятельности. Иначе говоря, церковь была местом, вокруг которого выстраивалась жизнь общины.

*Ключевые слова:* Русская зарубежная церковь, белая эмиграция, Франция, Карловацкий раскол, Прованс, русское зарубежье, митрополит Евлогий.

Церковная жизнь белой эмиграции не может быть рассмотрена вне наследия предыдущей эпохи. Русская община на юге Франции возникает в середине XIX в. с визита вдовы Николая I Александры Федоровны в Прованс в 1853 г. После этого русская аристократия стала ценить Лазурный берег как общеевропейский лечебный курорт. Там сформировалась целая колония — от Канн до Сан-Ремо. Русские аристократы, часто в сопрово-

- 
- © Санкт-Петербургский государственный университет, 2024
  - © Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2024

ждении слуг, приезжали туда насладиться мягкой зимой Ривьеры<sup>1</sup>. Для их комфорта создавалась инфраструктура, включавшая религиозные, экономические и социальные структуры в главных городах юга Франции, которая в следующую эпоху использовалась более крупным эмигрантским сообществом.

Места расселения русской общины той ранней эпохи сохранились и в межвоенный период. В Ницце это прежде всего располагавшийся вокруг православного собора район Сент-Этьен, который со времени пребывания там императорского двора в середине XIX в. утвердился именно как русский район и остался таковым в 1920–1930-е годы. Бульвары Цесаревич, Гамбетта, Гроссо, Сессоле, проспекты Имперского парка, Вернье были населены русскими; среди других мест сосредоточения диаспоры следует упомянуть Сен-Филипп и Маньян. Меньшая часть диаспоры расселилась на центральных улицах — Виктора Гюго, Франс, а также в прибрежных виллах в Симье, на Мон-Бороне, в Болье, в Кап-д'Ай. Многие члены русской общины жили в районе «Калифорния» в Каннах, а также в Ментоне и Биаррице на побережье Атлантики<sup>2</sup>.

Потребность в православных храмах возникла с самого начала. В разных резиденциях были устроены временные часовни, однако для стремительно расширявшейся русской общины необходимость в большом храмовом здании становилась все более очевидной. В 1859 г. был торжественно освящен первый приходской храм в Западной Европе — церковь свв. Николая и Александры на улице Лоншам в Ницце<sup>3</sup>. Православные храмы стали появляться и в других городах юга Франции: в 1892 г. построены церковь и часовня в Ментоне<sup>4</sup>; в том же году было закончено строительство церкви в Биаррице на Атлантическом побережье. Два года спустя благодаря щедрости г-жи Трипе-Скрипициной и инициативе о. Григория Остроумова, личного духовника великой княгини Анастасии Михайловны, в Каннах будет воздвигнута Михаило-Архангельская церковь работы лионского архитектора Луи Нуво. Примечательно, что протоиерей Григорий Остроумов управлял приходом в Каннах вплоть до своей смерти в 1947 г., связывая две эпохи существования православной общины в этом городе. Церковь в Каннах славилась библиотекой и хором. Именно русские из Канн, посетившие Торенц в горах Грасса, построили там любопытную деревянную церковь.

Храм для русской общины — это не только место, где совершается богослужение, но и место встречи ее членов, место, где духовное и свет-

<sup>1</sup> См. подробнее: *Vial C.* La colonie russe à Nice à la Belle Époque (1880–1914). Nice: Université de Nice, 1996. P. 114.

<sup>2</sup> См. об этом: *Антонов В. В., Берташ А. В.* Русские храмы и обители в Европе. СПб.: Лики России, 2005. С. 399.

<sup>3</sup> См. подробнее: *Thévenon L.* Églises russes de la Riviera. De Saint-Raphaël à San Remo. Nice: Serre éditeur, 2009. P. 21–23.

<sup>4</sup> См., напр.: *Svetchine L.* Les églises russes de Cannes et Menton. Nice: Nice Historique, 2002. P. 78.

ское сливаются воедино. Церковь — это в том числе место торжественных аристократических свадеб и похорон. Русская колония разрасталась, и церковь на улице Лоншам уже не могла вмещать всех прихожан во время богослужений. Все более очевидной становилась потребность в новом, более просторном и вместительном храме. Спустя девять лет строительства, в 1912 г., был освящен главный русский храм на всем побережье — Николаевский собор в Ницце. В следующую эпоху для русских эмигрантов эти храмы стали ориентирами в момент разрушения прошлой жизни: русская община могла жить и выживать в изоляции, в эмигрантских кварталах, концентрировавшихся вокруг русских учреждений, школ и храмов.

Революционные события в России безвозвратно изменили жизнь многих людей, вынужденных покинуть страну; к концу 1920-х годов их число достигло 2 млн, и Франция стала одной из основных принимающих стран. Определить точное количество бывших подданных Российской империи во Франции невозможно. По некоторым оценкам (хотя цифры кажутся завышенными), к 1921 г в страну прибыло от 100 до 150 тыс. русских<sup>5</sup>. Эти цифры были еще раз пересмотрены в сторону увеличения в 1925 г., поскольку, по оценкам Министерства иностранных дел, страна приняла 400 тыс. русских беженцев<sup>6</sup>. Отмечаются четыре этапа прибытия русских во Францию: 1) с 1918 по 1922 г. отмечается небольшое количество въездов на территорию; 2) с 1923 по 1926 г. виден очень четкий пик; 3) с 1928 по 1930 г. произошло последнее увеличение; 4) в последующие годы фиксируется замедление прибытий.

В 1920-е годы постепенно возникали новые «русские территории», а Париж стал столицей русской эмиграции. Особый интерес представляет Лазурный берег — настоящий плавающий котел национальностей в послевоенный период. С конца XIX в. Прованс и в меньшей степени побережье Атлантики, будучи курортными регионами, стали местом пребывания представителей высшего общества Российской империи. Канны, Ментон и особенно Ницца стали главными «русскими» городами Франции после Парижа: дворянство старого режима материализовало свое присутствие там в каменных церквях, санаториях, кладбищах, богатых виллах, напомиравших о славном прошлом, тем самым сделав эти города местом притяжения для прибывших позднее; 60 % из них попали во Францию морским путем через Средиземное море. В 1918 г. в департаменте Приморские Альпы в качестве иностранцев было зарегистрировано 156 русских. В следующем году это число увеличилось до 1982. В 1923 г. количество русских эмигрантов в Приморских Альпах уже превысило две тысячи. Пик был достигнут в 1930 г., когда их было 5312 чел. Впоследствии количество русских постепенно сокращалось: в 1936 г. их было всего 3699, в том числе 2652 в Ницце.

<sup>5</sup> Приводится по: *Noiriel G. Le Creuset Français. Histoire de l'immigration XIX–XXe siècles. Paris: Seuil, 1988. P. 208–209.*

<sup>6</sup> Приводится по: *Хрисанфов В. И., Турыгина Н. В. К историографии вопроса о численности русской эмиграции во Франции в 1920–1930-е гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История, вып. 3. 2014. С. 21.*

Общая численность населения Ниццы тогда составляла 241 916 жителей, в том числе 50 631 иностранцев<sup>7</sup>. Таким образом, наблюдается ограниченный прирост членов русской общины. Она сохраняла богемные черты, поскольку доля представителей свободных профессий здесь была даже выше, чем в Париже. Ницца стала местом сосредоточения творческих людей, таких как Шагал, Дягилев, Лукомский. С экономической точки зрения Лазурный берег (без промышленности и крупной торговли) был неблагоприятен для большинства русских эмигрантов, оставаясь местом концентрации бывшей аристократии и интеллектуального класса<sup>8</sup>.

Лазурный берег — скорее место первого приема, транзита, чем место постоянного поселения, особенно Марсель, где многие беженцы сделали первые шаги на французской земле, прежде чем отправиться в южные регионы или подняться в долину Роны. Экономические процессы изменили географию расселения русской общины. Тулуза фактически стала центром для трудовых мигрантов на юго-западе Франции, рассредоточенных как вокруг промышленных центров, так и по аграрным колониям, созданным по инициативе Земгора<sup>9</sup>.

Белая эмиграция (выражение, используемое для обозначения первой большой волны русской эмиграции) объединяла людей всех слоев общества: бывшую элиту империи (наиболее влиятельное меньшинство); средний класс (наиболее репрезентативная часть эмигрантского населения); малоимущих (примерно треть беженцев — в основном крестьяне или солдаты). Однако для всех эмиграция была связана с утратой прошлого статуса и материального благополучия, став испытанием нищеты и безнадёжностью своего положения.

Для многих беженцев Православная церковь и иконы заменили утраченный дом. Наряду с богослужением церковь выполняла и социальную роль в жизни эмигрантов. В нее приходили, чтобы встретиться со знакомыми, поговорить о политике, попросить совета, наладить отношения. Религия была тесно связана с национальным чувством, коллективной идентичностью, а строгость и регулярность религиозных обрядов обеспечивали моральное убежище и сохранение утраченной культуры. Именно в эмиграции — в чуждой внешней среде — произошел духовный ренессанс Русской церкви. Храмы становились центрами притяжения для диаспоры, и это учитывали французские предприятия, предоставляя место для религиозной жизни и деятельности и тем самым привлекая русских

<sup>7</sup> Приводится по: *Kaurinkoski K.* Les communautés russe et italienne de l'entre-deux guerres: Similitudes et différences // Cahiers de la Méditerranée. 1999. No. 58. P. 133–155.

<sup>8</sup> См. об этом: *Kleinmann J.* Les étrangers dans les Alpes-maritimes à travers les documents préfectoraux (1860–1944). Nice: Université de Nice, 2003. P. 372–390.

<sup>9</sup> См. подробнее: *Cohen M.* Les camps du Sud-Ouest de la France, 1939–1940. Toulouse: Privat, 1994. P. 240. Земгор (Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей) — белоэмигрантская благотворительная организация под председательством Г. Е. Львова, основанная в 1920 г. в Париже.

рабочих<sup>10</sup>. Приходская жизнь не ограничивалась воскресным богослужением, роль пастыря была высока в жизни общины, церковь становилась пространством общения, взаимопомощи, сохранения русской культуры и образования нового поколения<sup>11</sup>. Культовые сооружения — зачастую единственный способ засвидетельствовать существование русских общин в различных регионах Франции.

Церковь играла ключевую роль в образовании и сохранении национальной идентичности у подрастающего поколения. Одной из главных задач эмиграции было сохранение русской культуры и идентичности. В 1920-е годы пребывание в изгнании мыслилось как временное, эмигранты стремились дать подрастающему поколению русское образование. Самый известный пример русского учебного заведения на Юге Франции — это частная школа «Александрино», основанная в 1925 г. Все курсы, за исключением французского языка, организованные по принципу французских средних школ, преподавались на русском языке. Важную роль в образовании играла церковь, приходы открывали «четверговые школы»<sup>12</sup>, основной целью которых было преподавание катехизиса детям, обучавшимся во французских учреждениях, для сохранения в них православной веры. Очень быстро к таким катехизическим классам добавились курсы русского языка, литературы, истории и географии.

Помимо школ, открывались библиотеки; снабжение их книгами и периодическими изданиями чаще всего было результатом активности крупных организаций помощи в диаспоре, которые хотели не только стимулировать тягу к знаниям, но и сохранить культурное наследие. Библиотеки существовали и в церковных учреждениях — ярким примером является библиотека в православном приходе Канн, созданная еще в дореволюционный период. Вне семьи и школы огромную роль в воспитании нового поколения играли детские и молодежные объединения («Витязи», «Соколы» и др.). Наиболее крупной молодежной организацией было Русское студенческое христианское движение (РСХД), находившееся в тесном контакте с митрополитом Евлогием и Сергиевским подворьем в Париже<sup>13</sup>; активное участие в этом движении принимали Н. Бердяев, отцы Сергей Булгаков и Василий Зеньковский.

Церковь играла значимую роль во взаимопомощи членов русской общины. Многие эмигранты оказались в бедственном положении, и соли-

<sup>10</sup> См. подробнее: *Gousseff C. Lexil russe. La fabrique du réfugié apatride (1920–1939) // Revue européenne des migrations internationales. 2011. Vol. 27. No. 1. P. 177–180.*

<sup>11</sup> См. об этом: *Schor R. Le facteur religieux et l'intégration des étrangers en France (1919–1939) // Vingtième Siècle. Revue d'histoire. Numero special: Étrangers, Immigrés, Français. 1985. No. 7. P. 114.*

<sup>12</sup> Четверговые школы — частные образовательные учреждения для детей русских эмигрантов. Школы были организованы при православных приходах. Занятия в них проходили в четверг и воскресенье, поскольку в эти дни во французских школах не было занятий.

<sup>13</sup> Свято-Сергиевское подворье в Париже — православный приход и культурно-религиозный центр, включавший в себя богословский институт.

дарность и взаимопомощь были необходимы для выживания общины. Так возникли организации для помощи соотечественникам, например, созданный в Ницце в 1924 г. Комитет помощи беженцам<sup>14</sup>; важную роль играли Земгор<sup>15</sup>, особенно в вопросе легализации, и Красный Крест, построивший в Ментоне дом престарелых для русских беженцев. На юге Франции текущие проблемы, волновавшие русскую общину, освещал старейший еженедельник *La Semaine Russe*<sup>16</sup>, издаваемый на французском языке, и *La Voix de la Riviera*<sup>17</sup>, содержащий статьи, написанные преимущественно на русском языке. Наряду со светскими организациями Православная церковь оказывала помощь эмигрантам, являясь местом, куда можно было обратиться за материальной поддержкой<sup>18</sup> либо получить информацию о благотворительной деятельности; в церквях осуществлялась продажа билетов на ярмарки и благотворительные мероприятия, направленные на помощь беженцам.

Известно о помощи русским беженцам со стороны католических организаций. Созданная католическим епископом бенедиктинцем Ван Калонем ассоциация (*L'Association française d'aide aux émigrés de la région des Alpes-Maritimes*) оказала серьезную материальную поддержку эмигрантам и построила детский приют и школу для русских детей в Ницце.

Социальный состав некогда аристократической русской колонии на Лазурном берегу изменился, и ярким примером служат Канны. Михаило-Архангельская церковь, находящаяся в более богатой восточной части города, оставалась центром для русской элиты, тогда как русская диаспора увеличивалась за счет рабочих на предприятиях в западной части города. Так, в западной части Канн, в районе Ла Бокка, появился Свято-Тихоновский приход, который посещали как рабочие, так и представители старой аристократии. Помимо сложного социального состава этой «народной церкви», ее отличительными чертами были работа с детьми и молодежью (при церкви функционировала четверговая школа, в открытии церкви участвовала скаутская организация города<sup>19</sup>), а также помощь обездоленным людям — при церкви работала столовая, помогавшая выжить наиболее уязвимым членам общины. Для русских прихожан (в основном

<sup>14</sup> См. о нем: *Leroy E.* La colonie russe dans les Alpes-Maritimes des origines à 1939. Nice: Serre, 1988. P. 156.

<sup>15</sup> См. подробнее: *Kevonian D.* L'organisation non gouvernementale comme acteur émergent du champ humanitaire: Le Zemgor et la Société des Nations dans les années vingt // *Cahiers du Monde russe.* 2005. No. 46/4. P. 739–756.

<sup>16</sup> *La Semaine Russe* — франкоязычный еженедельник, издававшийся русскими эмигрантами в Ницце с 1921 по 1922 г.

<sup>17</sup> *La Voix de la Riviera* — издаваемый с 1927 г. в Ницце русскоязычный еженедельник.

<sup>18</sup> См. подробнее: *Хмыров Д. В.* Благотворительная деятельность братства Св. Анастасии в Ментоне (Франция) в 1920-х гг. и попытки секвестировать имущество Русской зарубежной церкви // *Ученые записки Новгородского государственного университета.* 2023. № 5 (50). С. 481–486.

<sup>19</sup> См. об этом: *Pallualu N.* Entre nation et religion. Scoutisme et organisation des jeunes immigrés (1920–1950) // *Cahiers de la Méditerranée.* 2009. No. 78. P. 107.

рабочих, которым приходилось адаптироваться к новой жизни во Франции) настоящим советчиком и наставником был о. Алексей Селезнев<sup>20</sup>. Моральная поддержка со стороны представителя православного духовенства имела в данном случае большое значение. Мероприятия по оказанию помощи, проводимые в Свято-Тихоновском храме для детей и беднейших эмигрантов, сделали о. Алексея очень уважаемым человеком. Кроме того, он выполнял объединяющую роль, поскольку связывал богатую и бедную части диаспоры.

О тяжелой судьбе русских эмигрантов известно из воспоминаний матери Марии (Скобцовой)<sup>21</sup>, которая в качестве делегата РСХД проводила миссию в провинциях Франции, чтобы оказать духовную поддержку и материальную помощь наиболее обездоленным, работавшим в рудниках Пиренеев, в доках Марселя и на промышленных предприятиях Тулузы. В ее воспоминаниях запечатлен тяжелый быт этих людей, в частности эпизоды спасения шахтера в Пиренейских горах от суицида и вызволения двух русских наркоманов из притона в Марселе.

Церковь, как и белая эмиграция в целом, была полна внутренних конфликтов и противоречий. Неразрешимые конфликты внутри русской диаспоры возникали даже у последователей одной и той же идеологии (например, конфликт сторонников великих князей Кирилла Владимировича и Николая Николаевича за главенство в Доме Романовых). Парадоксальным образом церковь, выполнявшая объединяющую роль, сама становилась причиной раскола, изначально разделившись на сторонников митрополита Евлогия и карловчан. Таким образом, приходы на юге Франции разделялись между двумя юрисдикциями: приход Николаевского собора в Ницце оставался под управлением о. Владимира (Тихоницкого), как и церковь на улице Лоншам в Ницце и храм в Биаррице оставались в составе Экзархата приходов русской традиции в Западной Европе под руководством митрополита Евлогия; при этом приход Иоанно-Предтеченской церкви в Ницце и приход церкви в Ментоне принадлежали Русской православной церкви за границей (РПЦЗ)<sup>22</sup>. Долгосрочным последствием церковного раскола и последующего перехода митрополита Евлогия под омофор Константинопольского патриархата в 1931 г. станут судебные тяжбы Русской православной церкви за право обладания культовыми сооружениями уже в наше время. Особо показательным был раскол в Каннах в 1929 г., когда большая часть прихода во главе с настоятелем церкви о. Григорием Остроумовым перешла под юрисдикцию РПЦЗ, тогда как другая часть под руководством о. Алексея Селезнева, племянника о. Григория, осталась под управлением митрополита Евлогия. Данная ситуация иллюстрирует раз-

<sup>20</sup> Протоиерей Алексей Селезнев (1870–1951) с 1927 по 1950 г. был настоятелем Свято-Тихоновского прихода в Каннах; племянник о. Григория Остроумова.

<sup>21</sup> См. о ней: Манухина Т. Монахиня Мария // Новый журнал. 1955. Т. 41. С. 139–140.

<sup>22</sup> Русская православная церковь за границей, созданная в начале 1920-х годов как де-факто независимая церковная юрисдикция, с 2007 г. является самоуправляемой церковью в составе Русской православной церкви Московского патриархата.

рушительный характер церковных споров тех лет: обоим приходом приходилось делить помещения при Михаило-Архангельской церкви в Каннах до тех пор, пока приход евлогианцев не переместился в район Ла-Бокка, сформировав упомянутый выше Свято-Тихоновский приход<sup>23</sup>.

1930-е годы стали испытанием как для церкви, так и для самой русской диаспоры во Франции. Русская эмиграция столкнулась с последствиями жесточайшего экономического кризиса; новые дискриминационные законы, нарастающая ксенофобия во французском обществе и утрата надежды на возвращение домой поставили эмигрантское сообщество в крайне тяжелое положение. Вторая мировая война положила конец эпохе первой волны русской эмиграции в Европе. Послевоенные православные приходы во Франции потеряли в числе прихожан и стали более разнообразными в этническом составе.

Православная церковь занимала центральное место в духовной и социально-культурной жизни русского эмигрантского общества на юге Франции. Она играла ключевую роль в сохранении национального самосознания, воспитании подрастающего поколения и взаимопомощи между членами диаспоры.

Статья поступила в редакцию 21 мая 2024 г.;  
рекомендована к печати 23 августа 2024 г.

Контактная информация:

Титов Даниил Максимович — аспирант; daniil.titov.97@gmail.com

### **The role of the Orthodox Church in the formation of the White emigrant diaspora in the south of France in 1920–1945**

*D. M. Titov*

Saints Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Studies,  
4/2, ul. Pyatnitskaya, Moscow, 115035, Russian Federation

**For citation:** Titov D.M. The role of the Orthodox Church in the formation of the White emigrant diaspora in the south of France in 1920–1945. *Issues of Theology*, 2024, vol. 6, no. 4, pp. 659–667. <https://doi.org/10.21638/spbu28.2024.408> (In Russian)

The 1917 Revolution and Russian Civil War brought an end to the “Belle Epoque” of the Russian aristocratic colony in the south of France, turning the Côte d’Azur into a place of exile. The interwar period was a time of difficult trials, social and religious schism, spiritual and cultural renaissance, an era when the Orthodox faith took central importance in the lives and destinies of Russian emigrants. This article examines the role of the church in the life of white emigration in the southern regions of France. The change of eras led to an inevitable transformation of the Russian diaspora and Orthodox parishes abroad. Finding themselves in exile, the emigrants sought to recreate their lost home in conditions alien to themselves, preserve Rus-

<sup>23</sup> См. об этом: *Laggounne A. Les Russes de Cannes (1879–1939)*. Nice: Université Nice Sophia-Antipolis, 2014. P.218.



sian national identity and pass it on to the younger generation; they were in difficult conditions requiring solidarity and mutual assistance. The Orthodox Church, being an integral part of the emigrant diaspora, experienced trials with its flock; the church played a key role not only in the spiritual life of the community, but was a sociocultural center, affecting various spheres of life of a Russian emigrant in the south of France, starting from education, it was at Orthodox parishes that Thursday schools were opened for the children of emigrants, ending with the organization of charitable activities, in other words, the church was the place around which the life of the community was built.

**Keywords:** Russian Church Abroad, white emigration, France, Provence, Russian diaspora, Karlovci Schism, Metropolitan Eulogius.

## References

- Antonov V.V., Bertash A. V. (2005) *Russian churches and monasteries in Europe*. St. Petersburg, Liki Rossii Publ. (In Russian)
- Cohen M. (1994) *Les camps du Sud-Ouest de la France 1939–1940*. Toulouse, Privât.
- Gousseff C. (2011) “Lexil russe. La fabrique du réfugié apatride (1920–1939)”, in *Revue européenne des migrations internationales*, vol. 27, no. 1, pp. 177–180.
- Kaurinkoski K. (1999) “Les communautés russe et italienne de l’entre-deux guerres: Similitudes et différences”, in *Cahiers de la Méditerranée*, no. 58, pp. 133–155.
- Kevonian D. (2005) “L’organisation non gouvernementale comme acteur émergent du champ humanitaire: Le Zemgor et la Société des Nations dans les années vingt”, in *Cahiers du Monde russe*, no. 46/4, pp. 739–756.
- Khmyrov D. V. (2003) “Charitable activities of the Brotherhood of St. Anastasia in Menton (France) in the 1920s and attempts to sequester the property of the Russian Church Abroad”, in *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 5, pp. 481–486. (In Russian)
- Khrisanfov V.I., Turygina N. V. (2014) “On the historiography of the question of the number of Russian emigration in France in the 1920–1930s”, in *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 2: History*, no. 3, pp. 17–27. (In Russian)
- Kleinmann J. (2003) *Les étrangers dans les Alpes-maritimes à travers les documents préfectoraux (1860–1944)*. Nice, Université de Nice.
- Lagoune A. (2004) *Les Russes de Cannes (1879–1939)*. Nice, Université Nice Sophia-Antipolis.
- Leroy E. (1988) *La colonie russe dans les Alpes-Maritimes des origines à 1939*. Nice, Serre.
- Manukhina T. (1955) “Nun Maria”, in *Novyi zhurnal*, vol. 41, pp. 139–140. (In Russian)
- Noiriel G. *Le Creuset Français. Histoire de l’immigration XIX–XXe siècles*. Paris, Seuil.
- Pallualu N. (2009) “Entre nation et religion. Scoutisme et organisation des jeunes immigrés (1920–1950)”, in *Cahiers de la Méditerranée*, no. 78, pp. 107–117.
- Schor R. (1985) “Le facteur religieux et l’intégration des étrangers en France (1919–1939)”, in *Vingtième Siècle. Revue d’histoire. Numéro special: Étrangers, Immigrés, Français*, no. 7, pp. 103–116.
- Svetchine L. (2002) *Les églises russes de Cannes et Menton*. Nice, Nice Historique.
- Thévenon L. (2009) *Églises russes de la Riviera. De Saint-Raphaël à San Remo*. Nice, Serre éditeur.
- Vial C. (1996) *La colonie russe à Nice à la Belle Epoque (1880–1914)*. Nice, Université de Nice.

Received: May 21, 2024

Accepted: August 23, 2024

Author’s information:

Daniil M. Titov — Postgraduate Student; daniil.titov.97@gmail.com